ЛИНА ЛИЧМАН

ЖЕНА ПО ДОВЕРЕННОСТИ

или Правды не скроешь

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШУРИКОВ

2

ДЕТЕКТИВ

Лина Личман

Жена по доверенности, или Правды не скроешь

Серия «Приключения Шуриков», книга 2

https://litres.ru/74698638
SelfPub; 2026

Аннотация

Они взялись найти правду.Но у чужой лжи оказалась слишком долгая жизнь.

Александра и Сашка ещё только возвращаются к обычной жизни после больницы, когда чужая беда снова не оставляет им возможности пройти мимо. Поначалу кажется: достаточно разобраться, задать нужные вопросы — и всё встанет на свои места. Только с каждым ответом всё труднее понять, где заканчивается чужая воля и начинается чья-то тщательно устроенная жизнь.

Здесь умеют говорить убедительно, молчать вовремя и распоряжаться тем, что никогда им не принадлежало. А человек, о котором идёт речь, словно имеет меньше всего права на собственную судьбу.

После пережитого им бы поберечь себя и друг друга. Но оба слишком хорошо знают, чего может стоить помощь, которая не пришла вовремя. И теперь отступить — значит вместе согласиться с тем, с чем ни один из них мириться не умеет.

Это история о доверии и о правде, которую мало найти. Иногда за неё ещё приходится стоять — даже когда всем удобнее продолжать верить в ложь.

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Лина Личман
Жена по доверенности, или Правды не скроешь

Глава 1

Все персонажи и события данного произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны. Действие романа происходит в 2012 году.

Из больницы меня выписали в последних числах марта: с заштопанным боком, перевязанной правой ногой, ладонями, которые только-только затянулись новой розовой кожей, и со стойким отвращением к запаху хлорки, которого мне теперь, подозреваю, хватит на всю оставшуюся жизнь. Пулевая рана на ноге заживала. Хирург на обходах называл её «аккуратненькой» — таким тоном, будто стрелка полагалось благодарность за качество работы. Врач на прощание велел исключить стрессы и физические нагрузки. Я честно пообещала. Мы смотрели друг другу в глаза и оба понимали, что я вру, но у нас в стране так заведено: один делает вид, что назначает, другой — что выполняет, и все довольны.

Дома меня встречали, как космонавта из долгого полёта. Себастьян от полноты чувств описал прихожую, забыв разом все свои пелёночные университеты, Марфа Васильевна напекла столько, что можно было кормить роту в две смены, а кот Барсик, чтобы не отставать от коллектива, приволок мне на коврик придушенную игрушечную мышь — высшая, по его кошачьим меркам, награда. Я стояла посреди этого праздника, дышала пирогами вместо хлорки и понимала, что жить, в общем, можно начинать заново. Даже нужно.

Сашка появился на следующий день — с толстой картонной папкой под мышкой и с тем самым выражением кошачьих глаз, которое я к тому времени уже выучила наизусть. Выражение это означало ровно одно: сейчас меня будут во что-то втягивать, и делать это основательно.

— Малыш, — произнёс он, целуя меня в нос, будто это входило в деловую повестку, — дай-ка мне свой паспорт, диплом и трудовую, если найдёшь.

— Зачем это? — насторожилась я. У меня на такие просьбы сигнализация: кто просит документы «просто так», тот потом ни при чём, а кредит почему-то на тебе.

— Как это зачем? — Он удивился так искренне, что впору было поверить. — Ты же мой партнёр.

Слово «партнёр» прозвучало так солидно и по-взрослому, что я растаяла, как последняя дура, и отдала ему всё не глядя — паспорт, диплом, трудовую, в которой значилось, что гражданка Вятская учит студентов высшей математике. Пре-

подаватель, между прочим. Человек, который шпаргалки из студенческих рукавов доставал не глядя, а купилась на одно слово, как первокурсница на обещание «автомата» на зачёте. Опомнилась я, только когда мой диплом скрылся в папке.

— Погоди, — попросила я. — Партнёр — это понятно. А где?

Что мы партнёры, мы решили ещё в больнице. Сашка пришёл тогда ко мне в палату со словом «агентство» и глазами мальчишки, которому пообещали щенка, а я сказала: «Я в деле, Шерлок» — и, как теперь выяснялось, подписалась, не читая. Про то, где это агентство будет сидеть, речи тогда не было.

— Что значит «где»? — не понял он.

— То и значит. Агентству нужна хоть какая-то дверь. Не на моей же кухне клиентов принимать — между Марфиными пирогами и Себастьяновой миской.

Сашка сел напротив, положил папку на колени и прихлопнул её ладонью, как козырь. Вид у него сделался, как у фокусника перед главным номером. Вот к этому разговору он, значит, и шёл, а паспорт с дипломом были так, разминкой.

— Есть вариант, — заговорщически сообщил он. — Нашёл я нам помещение: две комнаты, вход отдельный, прямо с улицы, ни вахтёров, ни соседей по коридору. И цена такая, что ты не поверишь.

— Не поверю, — согласилась я. — Где подвох?

— Почему сразу подвох?

— Потому что «ты не поверишь» про цену говорят ровно перед подвохом. Я сама студентам такие задачи давала: условие красивое, а в последней строчке — минус.

Сашка вздохнул, как сапёр перед последним проводком.

— Полуподвал.

Слово упало между нами, как ложка на кафель. Подвалы у меня с некоторых пор шли отдельной статьёй. В последний меня занесли без памяти, а выбиралась я из него через окно — и нога до сих пор напоминала, чем это кончилось. Я и сама не заметила, как подобрала её под табуретку. Сашка, конечно, всё увидел.

— Полу-, малыш, — сказал он уже без всякой улыбки. — Половина над землёй. Это разница.

— Ага, — хмыкнула я. — Как между «полуживой» и «полумёртвый». Огромная.

Воображение у меня работает быстрее совести, и полуподвал я уже видела во всех подробностях: трубы под потолком, ржавые потёки по углам, лампочка на шнуре, мыши, прописавшиеся там ещё при Брежневе, и запах — кислый, подвальный, от которого у меня теперь сводило затылок.

— Сырой? — спросила я.

— Сухой. — Сашка поднял палец. — В объявлении так и написано, большими буквами: «СУХОЕ ПОМЕЩЕНИЕ». И хозяин по телефону божился. Сам я там ещё не был, так что объявлению с хозяином верю ровно наполовину.

— А окна там есть? Или будем как кроты?

— Окна обещали, какие — не спрашивал. — Он помолчал. — Зато смотри, малыш, что получается. К частному сыщику люди не за кофе ходят. Человеку с бедой не нужно, чтобы вахтёрша записала его в журнал, а секретарша из соседнего офиса потом всему этажу рассказала, к кому он ходил. Свернул с тротуара, спустился — и нету его, для нашего дела лучше не придумаешь.

Возразить на это было нечего, и я разозлилась: терпеть не могу, когда возразить нечего.

— Ладно, — согласилась я. — Смотрим. Только вместе. Ты, Шерлок, человек увлекающийся: тебе цена понравилась, а мне там с тобой сидеть.

— Вместе, — кивнул Сашка. — Вот Вальку выпишут, устроим — и поедем. Хозяин подождёт. Что-то мне подсказывает, очереди к нему нет.

— Вот это меня и пугает, — призналась я.

Вальку выписали через неделю после меня. С ним всё устроилось быстрее и проще, чем я думала, — если не считать того, что «просто» в нашей истории всегда стоит дороже любого «сложно». Возвращаться в комнату, которую он снимал у Клавдии Фёдоровны, друг не мог — это понимали все, но вслух не произносил никто. Туда, где тебя годами поили чаем с клюквенным вареньем, а потом на этой же кухне проломили голову квартирной хозяйке, не возвращаются. Да и дверь туда была опечатана: место преступления как-никак. Сашка решил вопрос с жильём в своём фирменном стиле —

между делом, без единой торжественной ноты.

— Поживи у меня, — предложил он Вальке, выкладывая на стол ключи от своей жёлтой квартиры в Царицыне. — Я всё равно теперь это... по другому адресу прописан. Фактически.

— По какому же? — уточнила я, хотя прекрасно знала по какому: с моей выписки Сашка ночевал у меня куда чаще, чем у себя.

— По месту дислокации сердца, — отрезал он. — Не придирайся к старшему по званию.

Возражать против такой военной топографии я не стала. Мы оба старательно делали вид, что ничего не происходит. И оба, чего греха таить, знали, что врём. Совместный быт мы осваивали, как новую дисциплину — без учебника и без экзамена в конце. Выяснилось, что бывший следователь раскладывает носки на батарее ровными рядами, с интервалом, как вещдоки на столе, и очень обижается, когда я называю это парадом мокрых улик. Что Себастьян считает диван военным трофеем и по вечерам выживает с него Сашку. Тот отступает на кресло, уверяя, что ему там удобнее. И что я, оказывается, умею шипеть. Двадцать восемь лет прожила — и не знала.

Вальку мы отвезли в Царицыно в субботу. Сашка таскал его сумки, показывал, где что лежит, был сама любезность — только любезность эта выходила у него какая-то слишком старательная, как у отличника, который вызубрил билет и те-

перь боится сбиться. Между ними висела неловкость — тонкая, как папиросная бумага, почти невидимая, но я-то видела. Мой бывший следователь, входивший когда-то в квартиры к убийцам, не моргнув глазом, рядом с Валькой всё время словно решал в уме задачу, которую ему никто не задавал. И решить не мог.

Друг тактично не замечал Сашкиной неловкости. Свою боль он тоже старался не показывать, но тут получалось хуже. Валька похудел, под глазами залегли синеватые тени, смеялся реже, а когда смеялся — то как-то осторожно, будто каждый раз спрашивал разрешения. Алекс, плен, подвал — такое не отпускает за месяц, я это знала лучше многих. Моё собственное «такое» до сих пор приходило по ночам в виде запаха формалина и хруста стекла под босыми ногами.

— Жить будем, Санёк, — сказал он мне на прощание, обнимая своими исхудавшими руками. — Куда мы денемся. Нам с тобой помирать нельзя — кто ж тогда этих двоих воспитывать станет?

— Каких ещё двоих? — не поняла я.

— Сашку твоего и Себастьяна. Они же без нас с тобой одичают в момент.

Человек, у которого жизнь выгорела до фундамента, стоял посреди чужой кухни и всерьёз беспокоился о других. «Жить будем». Теперь это можно было сказать вот так, между делом, на прощание. А до этого новоселья нам пришлось съездить к людям, для которых Валька был мёртв.

Мы тогда оба лежали в больнице и до моей выписки оставалось ещё целых две недели. Ждать дальше было нельзя: Вальку нужно было воскресить для тех, кто уже успел его похоронить. Потому что в Брянске, на Центральном кладбище, под свежим крестом с аккуратной табличкой «Удалой Валентин Николаевич» лежал совсем другой человек. Мы с ребятами, сами того не ведая, схоронили не того: отпели в старом храме, несли гроб, кидали по горсти мёрзлой земли — а настоящий Валька в те самые дни сидел в подвале у маньяка и не знал, доживёт ли до утра. Под его именем в брянской земле остался Алекс — тот, с кем он три года прожил, прячась от всего белого света.

Бумажную часть Сашка перетянул на себя. Гремя костями по кабинетам, ещё сам толком не долечившись, он поднял бывших коллег, и генетическая экспертиза официально подтвердила то, что я знала нутром с первой минуты: обезглавленный — не Валентин. Алекса восстанавливали отдельно, по крохам — по съёмной квартире, по архитектурному бюро, где его ещё помнили. Родни у него не нашлось ни одной живой души. Эксгумацию провели тихо, без газетчиков и зевак, и Алекса перезахоронили под его собственным именем на том же кладбище.

А вот ехать и говорить вслух — это было уже наше, такое не делается чужими руками и не сообщается по телефону. Стасу я позвонила за несколько дней до поездки. Предупредила, что приедем, и попросила, чтобы тётя Маша была у

них, а наши, все, кто сможет, подтянулись к вечеру.

— Что случилось, Санёк?

— Я сейчас в больнице. Только не пугайся, уже иду на поправку.

— В какой больнице? Я сегодня приеду.

— Не надо, Стас. Со мной Сашка, меня лечат, всё под контролем. Через несколько дней сами будем у вас, тогда всё и расскажу. Ты главное всех наших собери.

Он немного помолчал, а потом строго спросил:

— Ты за руль собралась?

— Я ещё ничего сказать не успела…

— А я тебя, можно подумать, первый день знаю, — перебил меня Стас. — В поезд тебя не загонишь. Значит так…

— Стас, — оборвала я его. — Я сама доберусь.

— Ничего не знаю. Пришлю джип с водителем. Сядешь и поедешь пассажиром.

Спорить я не стала и про Вальку ни слова не сказала.

Из больницы нас отпустили на двое суток — под расписку и с таким лицом у заведующего, будто он подписывал нам путёвки в один конец. Сашка поехал с нами — отговорить его не удалось, хотя швы у него ещё держались на честном слове. Сел сзади и почти сразу задремал — или сделал вид: понимал, что разговор в этой машине не его.

Вёл Стасов водитель. Он был молчаливым, как сейф. Валька за всю дорогу не проронил ни слова, только смотрел в окно. Триста пятьдесят километров я ехала рядом с

живым покойником и ловила себя на дикой, почти неприличной мысли: а ведь не каждому в жизни выпадает вернуть с того света того, кого уже отплакал. Только когда машина остановилась у нового дома Стаса и Аньки, построенного на месте старого, в чей сад мы в детстве лазали за яблоками, я не выдержала тишины, покосилась на Вальку и брякнула:

— Ты, главное, в дверях сразу говори, что это ты. А то Анька от такого сюрприза нас обоих похоронит. Рядышком.

Валька не засмеялся, кивнул, вцепился в ремень безопасности и тихо заговорил:

— Сань. Я ведь им не только про то, что живой, скажу. Я и про Алекса расскажу, хватит уже прятаться.

Я хотела возразить — что не обязательно всё сразу, что можно потом, по частям, дать им сначала отойти от первого потрясения, но не стала, только кивнула:

— Расскажешь, а я рядом постою. Если кому захочется тебя жизни поучить — пусть сначала со мной поговорит.

Мы с Валькой пошли к входной двери, а Сашка задержался внизу, у машины, — якобы что-то искал в багажнике. Ничего он там не искал. Мой предусмотрительный стратег решил переждать семейный ураган на безопасном расстоянии, а меня отправил прямо в эпицентр.

Анька открыла дверь сама. Увидела на пороге Вальку и закричала так, что у меня заложило уши. Стас выскочил на крик, побелел и схватился за косяк, будто пол под ним поехал. Тётя Маша вышла из кухни в фартуке, с полотенцем че-

рез плечо, остановилась посреди прихожей — и молча опустилась на пол, прямо там, где стояла. Сидела и смотрела на Вальку снизу вверх, и губы у неё шевелились без звука. Стас кинулся к ней. Она дала себя поднять, но его руку тут же отстранила, подошла к Вальке вплотную и сделала то, чего я не ждала. Не обняла — взяла его лицо в ладони, повернула к свету и долго, въедливо разглядывала: шрамы, впалые щёки, чужую незнакомую бледность.

— Ты живой, — произнесла она тихо. Не вопрос — приговор. — Худой только. Кто ж тебя так?

И Вальку, который держался всю дорогу, и весь Анькин крик — сломало. Взрослый мужик уткнулся лбом в плечо маленькой круглой тёти Маши — ему для этого пришлось согнуться чуть не вдвое — и зарыдал, а она гладила его по затылку и приговаривала, как маленькому:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.